

Гильом был иным, но он — последний из их числа, кого история теологии и философии XIII века не может обойти молчанием. Будучи учредителем Церкви и таким же вселенским (catholique), как она, Парижский университет был своего рода «клиринг-хаузом» интеллектуального общения в христианстве. Поэтому естественно, что в нем работали и учились иностранцы, и даже нетрудно понять, почему прославленные иностранцы составляли в нем большинство. Однако трудно объяснить, почему среди них не было ни одного француза: Александр Гэльский, Роджер Бэкон и Оккам англичане; Дуне Скот — шотландец; Альберт Великий и Экхарт — немцы; Бонавентура и Фома Аквинский — итальянцы; Генрих Гентский—бельгиец* * *; если вспомнить еще Сигера Брабантского и Боэция Дакийского, то придется согласиться, что, кроме Амальрика Венского в начале века, Франция не дала великих инакомыслящих, появление которых неизбежно в подобной среде. Удобно расположившись в разреженной атмосфере логики, доверяя ей, так как она могла опе-